

А

Н. А. Добролюбов

Повести и рассказы С. Т. Славутинского

Москва. 1860.

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

[Лет семь] тому назад была большая мода на повести из простонародного быта, и по этому случаю глубоких критиков наших занимал тогда вопрос: "Может ли простонародная жизнь быть введена собственно в литературу, без всякого ущерба для истины, цвета и значения своего?" Один из глубокомысленнейших тогдашних критиков решил этот вопрос отрицательно на том основании, что "искусство имеет свои незыблемые правила, сохранение которых рядом с случайным, жестким ходом жизни -- невозможно; ибо какая есть возможность произвести эстетический эффект и в то же время целиком выставить быт, мало подчиняющийся вообще эффекту?"¹ Воззрение это до сих пор тайком сохраняется некоторыми и еще недавно выразилось, например, осуждением всех комедий Островского, как противных условиям искусства и слишком уж близких к жизни. Любопытствующие могут еще долго, вероятно, любоваться, как это воззрение через неправильные промежутки продолжает прорываться грязным вулканом в "Нашем времени"². Но что странно до неприличия в наше время, то было очень простительно семь лет тому назад, и мы вполне оправдываем глубокомысленного критика, вспомнивши о его затруднительном положении в виду простонародных рассказов того времени.

Нужно вам сказать о происхождении тогдашней страсти к подобным рассказам, чтобы вы удобнее могли понять, почему мы критика считаем правым и даже весьма проницательным в этом случае.

Семь лет тому назад о крестьянском вопросе не было и помину, следовательно рассказы о жизни крестьян (разумеется, без всякого отношения к их юридическим правам, или, правильнее сказать, обязанностям) никого не могли задевать за живое, никому не досаждали. А все другое в то время казалось очень сомнительным и встречалось [с большим недоброжелательством известною частью публики, от которой преимущественно зависит процветание русской литературы]. Чтобы никого не раздражать, русские писатели изобрели было тогда особенный какой-то, даже не *средний*, а скорее *общий* род людей, которых звание, общественное значение, сословные отношения и проч. оставлялись на догадку читателя, а изображалось только любящее сердце и мечтательное воображение. Но и тут выходила часто неудача. Изображен, например, в повести герой совершенно без всякого звания, и так искусно, что следов нельзя найти: не помнящий родства, да и только. Но вздумается же автору заметить в одном месте, что герой крутил себе ус; а в другом месте сказано, что он в танцах платье у дамы оборвал: сейчас же офицеры и раздражаются, -- мундир, дескать, наш марают. И неосторожный автор наживает хлопот... В этой-то крайности и решились наконец к мужикам обратиться; тех, дескать, как хочешь описывай: они не прочитают, а кто прочитает, так тот не обидится и на свой счет не примет. Зато уж и досталось же бедным мужичкам! За несколькими писателями, действительно наблюдавшими народную жизнь, потянулись целые толпы таких сочинителей, которым до народа и дела-то никогда не было, и думушки-то о нем в голову не приходило, а теперь довелось писать о нем. Говорят, в то время "Сказания русского народа" Сахарова и "Пословицы" Снегирева поднялись в цене, и даже "Быта русского народа" Терещенка разошлось несколько экземпляров³. С помощью таких источников из русского народного быта стали отхватывать драматические представления на манер пословиц Альфреда Мюссе и рассказы в самом беспримерном роде. Тогда-то обратили на себя общее внимание гг. Данковский, Лазаревский, Мартынов и многие им подобные. Тогда-то г. Потехин сочинил "Крестьянку", г. Михайлов "Ау" и "Африкана", г. Мей -- "Кириллыча", тогда-то принялись за изображение простого быта даже такие писатели, которые до того были насквозь пропитаны духом классической древности или полусветских салонов: так г. Майков произвел тогда "Дурочку Дуню", а г. Авдеев ухитрился изобрести "Огненного змия"⁴. Словом, простонародная повесть точно так же обуюла тогда литературу, как в 1856 и следующих годах обличительные рассказы о взяточниках. Но разница была в том, что крестьянские повести были настолько же деликатны, насколько обличения невежливы.

К мужикам тогда приступали с тою же манерою, как и ко всем другим членам общества, то есть заставляли их постоянно прикидываться не помнящими родства.. Как мужик с своей деревней связан, кем управляется, какие повинности несет, чей он и как с баринном, с управляющим, с окружным или с исправником ведается -- это вы могли открыть весьма в редких случаях, -- именно, когда попался вам

А